

ЛАТ. *DINGUA* > *LINGUA*, *DACRUMA* > *LACRIMA*

Эти хрестоматийные примеры чаще всего приводятся в руководствах по исторической фонетике латинского языка в качестве иллюстрации фонетического изменения *d > l*. Во-первых, архаичные формы с *d* засвидетельствованы в надписях. Во-вторых, бóльшая древность слов *dingua* и *dacruma* подтверждается материалом родственных и.-е. языков (ср. др.-гр. δάκρυ, гот. *tuggō*, англ. *tongue* и др.). Наконец, это фонетическое явление было хорошо известно уже древним, см., например, Var. *L. L.* VI, 83; Serv. *Buc.* I, 2 и др.; то же находим у Исидора Севильского: *l autem litteram interdum pro d littera utimur* (Isid. *Etyim.* I, 27, 14).

В целом ряде случаев изменение *d > l* подтверждается, как и при *dingua > lingua*, наличием тех и других форм в самом латинском языке: *considium* и *consilium*, *impedimenta* и *impelimenta*, *odor* (ср. др.-гр. ὀδμή) и *olēre*, *sedēre* и *solium*, *dautia* и *lautia* (см. *Pauli exc. ex lib. Pomp. Festi*, 60, 6, Lindsay, s. v. *Dacrimus* с правильной этимологией), *mēdicus* и *mēlicus* (genus gallinarum, см. *Paul. [Fest.]*, 111, 20 sq. Lindsay, s. v. *Melicae*), *Novensides* и *Novensiles*, *cadamitas* (форма, которую предпочитал Гней Помпей – см. *GrL* VI, 8, 15, p. 8) и *calamitas*.

В других случаях переход *d* в *l*, не засвидетельствованный в самом латинском языке, реконструируется с помощью аналогичных фонетических изменений в других индоевропейских языках. Так, лат. *lēvir* имеет в родственных языках соответствия с начальным *d*:- др.-гр. δάϊρ, др.-инд. *devár*, лит. *dieveris*, др.-русск. дъверь. Несколько более сложной является реконструкция *mālus* < **mādu*s, где форма под звездочкой восходит к и.-е. *mazdos, ср. др.-исл. *mastr*, др.-в.-нем. *mast* “мачта”. Еще более сложным представляется случай с *ūdu*s “влажный” и *ūlīgō* “влажность”, в котором иногда слишком прямолинейно пытаются видеть те же варианты с *d* и *l*.¹ Здесь перед нами, по-видимому, явление не чисто фонетическое, а словообразовательно-фонетическое: *ūvēre* “быть мокрым” → *ūv-id-us* > *ūdu*s. Если мы подобным же образом реконструируем аналогичную словообразо-

¹ См., например: И. М. Тронский. *Историческая грамматика латинского языка* (М. 1960) 130; J. Poucet. L'origine sabine de la “commutatio” du -d- en -l-, un mythe linguistique? // *L'antiquité classique* 35 (1966): 1, 142.

вательную модель: $*\tilde{u}v\text{-il-us} \rightarrow *i\tilde{u}vil\bar{i}g\bar{o} > \bar{u}l\bar{i}g\bar{o}$, то, казалось бы, перед нами – просто образования с двумя разными суффиксами, ср. тип *candidus* и *nubilus*. Однако здесь не все так просто. В случае $\tilde{u}v\bar{e}re \rightarrow \tilde{u}vidus$, как и $val\bar{e}re \rightarrow validus$ или $tim\bar{e}re \rightarrow timidus$, мы имеем дело с отглагольными образованиями на *-idus*. Что же касается производных на *-ilus* (значительно менее многочисленных), то они, как правило, являются не отглагольными, а отыменными: *nubes* → *nubilus* (*nubilis*), *aqua* → *aquilus* и др. Следовательно, *l* в реконструированной форме $*i\tilde{u}vilus$ не может быть исконным, а должно представлять собой результат фонетического изменения $d > l$. С этой поправкой сопоставление $\tilde{u}dus$ и $\bar{u}l\bar{i}g\bar{o}$ может быть признано правомерным.

Попытки объяснить рассматриваемое фонетическое явление характеризовались обычно атомарным подходом, стремлением объяснить отдельные изолированные примеры. Так, допускалось, что переход *dingua* в *lingua* произошел под народноэтимологическим влиянием глагола *lingere* “лизать”.² Казалось бы, подобное объяснение можно подтвердить примерами типа лит. *liēžti* “лизать” → *liežūvis* “язык” или русскими диалектными формами *лязык* (с *л-* из *лизать* – *Фасмер* IV, 550), *лизало* “язык”, *лизень*, *лизун(ь)* “коровий язык” (*СРНГ* 17, с. 43–45). Однако этот изолированный случай не объясняет всех примеров фонетического изменения $d > l$, где нет ни малейших намеков на какое-либо народноэтимологическое воздействие. То же самое следует отнести к попытке объяснить изменение $*m\bar{a}dus > m\bar{a}lus$ “мачта” влиянием *p\bar{a}lus* “кол, столб”.³ Все это – типичные объяснения ad hoc, ограниченные не только рамками латинского языка, но и отдельными изолированными примерами.

Одна из попыток выйти за пределы латинского языка связана с гипотезой об изменении $d > l$ под влиянием сабинских говоров.⁴ Но, как уже отмечалось критиками этой гипотезы, по свидетельству Варро-

² См., например: J. Otrębski, J. Safarewicz. *Gramatyka historyczna języka łacińskiego*. (Warszawa 1937) 139; М. Нидерман. *Историческая фонетика латинского языка* (М. 1949) 86; ср. Тронский. *Ук. соч.*, 130 (в более осторожной форме).

³ М. Grammond. *La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes* (Dijon 1895) 120; В. Порциг. *Членение индоевропейской языковой области* (М. 1964) 168 (со ссылкой на этимологический словарь А. Эрну и А. Мейе).

⁴ Перечень авторов, видевших в $d > l$ “сабинизм”, приведен в статье: Poucet. *Op. cit.*, 141–142.

на, ‘a Sabinis’ были заимствованы такие слова, как *Novensides*, *idus*, *fēdus*, всюду – с *d* вместо ожидаемого *l* (ср., в то же время, лат. *Novensiles*). Следовательно, изменение *d* > *l* не является сабинизмом в латинском языке.⁵ Полемизуя со сторонниками сабинского происхождения *d* > *l*, М. Нидерман пишет: “При таком предположении трудно объяснить, почему это диалектное произношение получило перевес в *olēre*, тогда как *odor* осталось незатронутым”.⁶ Не пытаясь защитить “сабинскую” гипотезу, отмечу только, что вопрос поставлен некорректно. А почему, например, в *urbs* произошла синкопа *i* перед конечным *-s*, а в *orbis* – нет? Кроме того, форма *olor* засвидетельствована у Варрона (*LL* 6, 83), а также – позднее – в испанском языке.⁷

Фонетическое изменение *d* > *l* встречается также и в греческом языке: ‘Οδυσσεύς – ‘Ολυσσεύς (этот вариант имени приводит *LSJ* s. v. ‘Οδυσσεύς, со ссылкой на книгу: P. Kretschmer “Die Griechischen Vasenschriften ihrer Sprache nach untersucht” [Gutersloch, 1984]); также Οὐλίξεύς (Herodian. Gramm. I 14) ~ Οὐλίξης (Diom. p. 321 K.) → лат. *Ulixēs*); лин. Б *da-pu₂-ri-to* ~ Λαβύρινθος. Сюда же можно отнести λάφνη δάφνη (Hesych. L 433, 1). Глоссу того же Гезихия λέβα: πόλις ὑπὸ Θρακῶν (*ibid.*, L 480, 1) некоторые исследователи понимают как ошибочное написание вместо фрак. δέβα. Нельзя полностью исключать и то, что у Гезихия засвидетельствована редкая форма слова, которая, так же, как -δευα, -δαβα и т. п., многократно используется в качестве второй части фракийских топонимов.⁸ Если это так, то перед нами снова фонетическое изменение *d* > *l*. В случае с др.-гр. μέθυ и μέλι находит свое отражение и.е. *dh ~ *l (ср. ст.-слав. мѣдъ, лит. *medūs* и др. ~ лат. *mel*).

Около 40 лет тому назад была высказана гипотеза, что мена *d* / *l* в древнегреческом языке была привнесена на материк Греции и на острова хетто-лувийскими выходцами из Анатолии. При этом сторонники хетто-лувийской гипотезы опирались обычно на один-единственный пример подобной мены в анатолийских языках: хаттское *tabarna* “правитель”⁹ – хетт. *Labarna*.¹⁰ Поэтому строить гипотезу о хетто-лувийском догреческом субстрате на столь шаткой основе – едва ли пра-

⁵ Poucet. *Op. cit.*, 146–147.

⁶ Нидерман. *Ук. соч.*, 87.

⁷ Grammont. *Op. cit.*, 120.

⁸ См., напр., И. Дуриданов. *Езикът на траките* (София 1976) 113; К. Vlahov. Über die Frage der iranischen Elemente im Thrakischen // *Pulpuđeva* (1978) 3.

⁹ Хаттский – неиндоевропейский язык на северо-востоке Анатолии.

¹⁰ A. Heubeck. *Praegraeca* (Erlangen 1961) 26.

вомерно.¹¹ С таким же успехом можно говорить о хетто-лувийском субстрате в Лациуме или о сабинском субстрате в Анатолии. Наличие широко распространенного фонетического изменения также и в анатолийских языках, причем в отдельных изолированных случаях,¹² абсолютно ничего не говорит о наличии анатолийского субстрата всюду, где имеет место фонетическое изменение $d > l$.

За пределами латинского и древнегреческого языков изменение $d > l$ или мена d / l встречается, например, во фракийском языке. Наряду с гипотетическим $\lambda\acute{\epsilon}\beta\alpha = \delta\epsilon\beta\alpha$ можно указать еще на антропонимы Παρισάδης / Παρισάλος.

В карийском и фракийском языках имелся какой-то чуждый греческому языку звук, который в греческих передачах трактовался посредством $-\lambda\delta-$: фрак. Ζαλδαβα, кар. Υαλδεμς, Υσσωλδος, Μαυσσωλδος. Интересно отметить, что в новогреческих диалектах, распространенных на территориях, ранее заселенных карийцами, до сих пор и.-е. *aljos > др.-гр. ἄλλος передается посредством ἄλδος¹³. Цари скифов, согласно Геродоту (IV, 6, 1), именовались Παραλάται – что соответствует авест. *paraḍāta*-¹⁴. То есть здесь имело место изменение $d > l$ в процессе заимствования. Переход $d > l$ засвидетельствован также в афганском языке.¹⁵

Значительное количество фонетических изменений $d > l$ засвидетельствовано в романских языках: лат. *cicāda* > ит. *cicala*, лат. *cadūcus* > исп. *caduco* > *caluco*, исп. *medicina* и *melecina*, лат., ит. *invidia* > падуан. *envilia* и др.¹⁶

Универсальный характер фонетического изменения $d > l$ подтверждается тем фактом, что это изменение встречается не только в индоевропейских языках. Выше уже приводился пример с хатт. *tabarna* / хетт. *Labarna*, где подобное изменение, по-видимому, имело место в

¹¹ Подробнее об этом см.: Ю. В. Откупщиков. *Догреческий субстрат* (Л. 1988) 13–20.

¹² Ср. также в лидийском языке: Δεός → *levs*, Δαμάτηρ → *lamētrus*. Здесь – “очевидно, переход зубных в *l*” (А. Хойбек. Лидийский язык // *Древние языки Малой Азии*. [М. 1980] 297–298).

¹³ W. Brandenstein. *Karische Sprache* // *RE. Suppl. VI* (Stuttgart 1935) 141.

¹⁴ H. Humbach. *Skythische Sprachdankmäler in griechischer Schrift* // *II. Fachtagung für idogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft* (Innsbruck 1962) 124.

¹⁵ См. В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы (М. 1965) 139 (без примеров). Примеры см.: Д. И. Эйдельман. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков // *Фонология* (М. 1986) 170.

¹⁶ Grammont. *Op. cit.*, 88–89 и др.

процессе заимствования из неиндоевропейского языка в индоевропейский. Но это – единичный пример. А вот среди многочисленных языков банту засвидетельствован ареал, где мена *d/l* – обычное явление, например: *bada* = *bala* “блестеть”.¹⁷

Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые в изменениях типа *dingua* > *lingua*, Ὀδυσσεύς – Ὀλυσσεύς видят явление общей фонетики (un phénomène de phonétique générale),¹⁸ а не влияние сабинского, средиземноморского или хетто-лувийского субстрата.

Однако констатация универсального характера мены *d/l* (возможны и более редкие случаи изменения *l > d*) не объясняет еще самого феномена. Пролить дополнительный свет на этот вопрос можно путем привлечения более широкого языкового материала.

Прежде всего, известная близость между плавными *l* и *r*¹⁹ привела к тому, что в ряде случаев (их условия не всегда могут быть установлены) исконное *d* переходит не в *l*, а в *r*: лат. *peres* = *pedes*, *eritor* = *editor*, *meridies* ~ *medius*. То же – перед *f*- и *v*-: *arfuise*, *arvorsum*. В греческом языке, согласно Гезихию (Hesyh. К 2870, 1 [Latte]), κλάριοι = κλάδοι, ср. новогреч. κλαρί = κλαδί. То же – в древнегреческих диалектах: Ороφατιδας Ороφατιραω.²⁰ Обратное изменение имело место в процессе заимствования из дорийского греч. κάρυκεϊος → лат. *cādūceus*.

Переход *-d- > -d- > -r-* засвидетельствован в хинди.²¹ Учитывая двойное происхождение индоарийского *r* (к и.-е. *r или *l), это еще одно косвенное доказательство близости *d* и *l*.

Что общего может объединять эти, казалось бы, далекие по своему произношению звуки? Место артикуляции. К переднеязычным звонким нещелевым согласным относятся только *d*, *n* и *l*. Все три со-

¹⁷ A. De Rop. *Éléments de phonétique historique du Lomongo* (Léopoldville 1958) 5, 7, 12–17, 19–27 (с многочисленными примерами). Недавно в докладе на “Первой всероссийской конференции по проблемам сравнительно-исторической индоевропеистики” (февраль 1997 г.) А. В. Яковлев также отмечал эту фонетическую особенность в языках Африки.

¹⁸ Roucet. *Op. cit.*, 148.

¹⁹ Ряд исследователей считает, что в праиндоевропейском существовала единая плавная “архифонема”. См., например: В. В. Иванов. *Хеттский язык* (М. 1963) 94. В индо-иранском древнее *l обычно отражалось как *r*. Варианты латинских суффиксов *-alis* и *-aris* определялись наличием или отсутствием *l* или *r* в основе. Ср. также русск. *крик* и *клич*.

²⁰ W. Dressler. Pamphylich -δ- zu -r-: Ein weiterer Substrateinfluß? // *Archiv orientální* 33 (1965): 2, 183–189.

²¹ С. К. Чаттерджи. *Введение в индоарийское языкознание* (М. 1977) 112.

гласных участвуют в разного рода менах, связанных или не связанных с диссимиляцией и метатезой. Вот некоторые примеры:

	1) <i>d – d</i>	→	<i>d – l</i>
лит.	<i>dūdyti</i>	→	<i>dūlyti</i> “пить”,
рус. диал.	<i>дудѹть</i>	→	<i>дѹлѹть</i> <i>idem</i> , ²²
	<i>d – l</i>	→	<i>l – d</i>
рус. диал., укр.	<i>долонь</i>	→	русск. <i>ладонь</i> ,
рус. диал.	<i>дыли</i> “ходули”	→	<i>лыды</i> “длинные ноги”, ²³
др.-в.-н.	<i>nadala</i>	→	ср.-нем. <i>Nalde</i> , ²⁴
лат. (acc. sing.)	<i>palūdem</i>	→	ит. <i>padule</i> “болото”,

ср. также др.-гр. Δαίδαλος и лит. *dailidė* “плотник, искусный мастер”.

Примеры, обычно не связанные с диссимиляцией или метатезой, были приведены выше.

	2) <i>n – n</i>	→	<i>l – n</i>
лат.	<i>nominare</i>	→	сицил. <i>luminari</i> ,
лат.	<i>venenum</i>	→	ит. <i>veleno</i> . ²⁵

Ср. также примеры, в которых более сложные отношения между сопоставляемыми словами, причем в отдельных случаях речь должна идти не о диссимиляции, но, напротив, об ассимиляции:

др.-гр.	<i>νάρναξ</i>	=	<i>λάρναξ</i> ,
	(Hesych. N 88, 1 [Latte])		
лат.	<i>nomen</i>	~	хетт. <i>laman</i> “имя”,
лат.	<i>anima</i>	→	ит. диал. <i>alema</i> , исп., ит. <i>alma</i> ,
лат.	<i>numerus</i>	→	ит. диал. <i>lumar</i> ,
фр.	<i>normal</i>	→	фр. разговорн. <i>lormal</i> ,
лат.	<i>animal</i>	→	португ. <i>alimal</i> . ²⁶

В диалектах сербского языка засвидетельствована форма *злăменье* “знамень” – с *л* на месте *н*. То же самое – в хорв. *zlămen* и в его производных.²⁷ Ср. также лит. *nėndrė* = *lėndrė* “тростник” и лат. *nīdus*,

²² Вопрос о характере связи между литовскими и русскими словами (исконное родство? заимствование?) в данном случае не является существенным.

²³ О последнем слове М. Фасмер (2, 542) пишет “происхождение неясно”. Первое слово имеет очевидную этимологию (ср. *дыля* “нога” и *дыль* = *даль*). Следовательно, метатеза проливает свет и на этимологию слова *лыды*.

²⁴ Г. Пауль. *Принципы истории языка* (М. 1960) 83.

²⁵ Grammont. *Op. cit.*, 80.

²⁶ Grammont. *Op. cit.*, 43, 50, 80-81.

²⁷ P. Skok. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* III (Zagreb 1973) 658.

др.-в.-н. *nest* – лит. *lizdas* “гнездо”, где в изменении $n > l$ логичнее видеть рассматриваемую фонетическую универсалию, а не результат влияния индоевропейского глагола с корнем “лежать”, как это считает, например, Э. Френкель (*Fraenkel*, 383 – со ссылкой на Я. Эндзелина).

Таким образом, случаи изменения $n > l$ совершенно аналогичны примерам с изменением $d > l$. Что же касается мены d / n , то случаи подобного рода уже стали хрестоматийными. Это примеры типа русск. *небеса* (с n также и в других индоевропейских языках) – лит. *debešis* “облако”, лтш. *debess* “небо”; лат. *novem* (также с и.-е. n) – лит. *devyni* – русск. *девять*, где изменение $n > d$ следует, видимо, объяснять не влиянием числительных *dėšimt* и *десять*, а результатом диссимилиации $n - n \rightarrow d - n$.²⁸ Сюда же следует отнести и.-е. **domos* (ср. лат. *domus* – с исконным d) $\rightarrow$ лит. *nāmas*, лтш. *nams* – с обратным изменением $d > n$. Наиболее правдоподобное объяснение соотношению лат. *domus*, русск. *дом* и приведенных балтийских слов предложил Я. Эндзелин: диссимилиация $d - d \rightarrow n - d$ в сочетаниях типа **damu darīt* или в словосложении **damdaris > namdaris* “плотник” (букв.: “домодел”).²⁹

Кстати, фонетические изменения, связанные с меной d, l и n , охватывают также и языки северного индоевропейского ареала (балтийские, германские и славянские языки) – что обычно не отмечается в работах о латинских фонетических изменениях типа *dingua > lingua*. В то же время примеры типа лтш. *varde* – лит. *varlė* “лягушка” или лит. *gaidys* – лтш. *gailis* “петух” объясняются двумя разными способами: (1) с помощью реконструкций типа **vardle*³⁰ (как фонетико-словообразовательный процесс) и (2) как фонетическое изменение $d > l$.³¹ Характерно, что последнюю точку зрения высказал известный специалист по исторической грамматике латинского языка Ф. Зоммер, хорошо знакомый с фонетическим изменением $d > l$ за пределами балтийских языков. Между прочим, кроме приведенных выше примеров, следует отметить уникальный случай изменения: лит. *būdavo > būlavo* (*LKŽ* I, 1147). Обычно, как известно, фонетические изменения “затормаживаются”, если в их результате существенно меняются морфологические признаки слова. Так, лат. **isdem* перешло в *īdem*, но

²⁸ W. Schulze. *Kleine Schriften* (Göttingen 1933) 58.

²⁹ J. Endzelins. *Darbu izlase* III, 2 (Rīgā 1980) 64–65.

³⁰ W. Schulze. *Op. cit.*, 129; P. Skardžius. *Lietuvių kalbos žodžių daryba* (Vilnius 1943) 119.

³¹ F. Sommer. *Die idg. ia- und io-Stämme im Baltischen* (Leipzig 1914) 178.

eiusdem не перешло в **eiūdem* (несмотря на одинаковые фонетические условия), ибо в противном случае была бы утрачена характерная местоименная флексия родительного падежа *-ius*. Уникальность фонетического изменения $d > l$ в случае *būdavo > būlavo* заключается в том, что в результате этого изменения был утрачен суффикс прошедшего многократного времени *-dav-*. Фонетическое изменение $d > l$ в случае с лтш. *dēle = lēle* “пиявка” определяется отсутствием этимологии у последнего слова с совершенно бесспорной этимологией у слова первого: к и.-е. **dhē(i)* – “сосать” и “кормить грудью”. Ср. лтш. *dēt*, гомер. $\theta\eta\sigma\theta\alpha\iota$; лат. *fēlāre* “сосать”, лтш. *dīlīt* “кормить грудью”; лтш. *dēls* и лат. *filius* “сын” и др.

Большой интерес представляют варианты названия серебра в ареале северных индоевропейских языков: лит. *sidābras*, др.-в.-н. *silabar*, др.-русс. *сьребро*. Это слово не имеет соответствий ни в одном из других индоевропейских языков. Практически оно не имеет этимологии и считается заимствованием из какого-то общего неиндоевропейского источника (Фасмер III, 606; Fraenkel 781). Выше уже приводились примеры когда мена $d / n / l$ (и r) происходила в процессе заимствования из одного языка в другой. В принципе отношение между лит. *sidābras* и др.-в.-н. *silabar* ничем не отличается от лат. *dingua* и *lingua* или от хатт. *tabarna* и хет. *Labarna*. По-видимому, в языке-источнике исконным был звук d (или близкий к нему). Этот звук сохранился в лит. *sidābras*, но в др.-в.-н. *silabar* произошло все то же фонетическое изменение $d > l$. Что же касается славянских языков, то здесь или имело место изменение $d > r$ (как в лат. *peres = pedes* или *eritor = editor*), или же после более обычного перехода d в l – под ассимилятивным воздействием r следующего слога – уже это l изменилось в r . Подобного рода ассимиляция имела место, например, в случае с лат. *animal* → португ. *alimal*. Только в первом случае $l - r$ дало $r - r$, а во втором $n - l$ перешло в $l - l$. В обоих случаях – в результате регрессивной ассимиляции.³²

Универсальный характер фонетических изменений звонких переднеязычных нещелевых d , l и n находит неожиданное подтверждение в язы-

³² Кстати, изменение $d > l$ в германских языках засвидетельствовано не только в случае др.-в.-н. *silabar*, но, например, в разговорном нидерландском языке, где произошло изменение *medicijn > melicijn*. См. J. Schrijnen. Das “sabinische l” im Lateinischen // KZ 46 (1914) 378.

³³ H. Gannott. *American Names* (Washington 1947) 98: “The Indian form is Lakota, Nakota or Dakota, according to the dialect, signifying ‘allies’, the common name of the confederated Sioux tribes”.

ках... североамериканских индейцев. Самоназвание одного из индейских племен – *дакота* – имеет диалектные формы *лакота* и *накота*.³³

А. Мейе, говоря о многочисленных попытках объяснения тех или иных фактов истории языка, оставаясь в рамках этого языка, писал: “Грамматик, изучающий какой-либо индоевропейский язык, если он не знает сравнительной грамматики, должен ограничиться простым констатированием фактов, не пытаясь вовсе давать им объяснения, так как иначе он рискует объяснять причинами, лежащими в данном языке, и его особенностями такие факты, которые древнее этого языка и происходят от совершенно других причин”. И несколько далее: “Грамматик вправе не знать сравнительной грамматики только в том случае, если он способен ограничиться простым наблюдением голых фактов, никогда не делая попытки их понять”.³⁴

К этим словам А. Мейе следует добавить, что преодоление “атомарного” подхода к отдельным изолированным фактам истории языка нередко может требовать не только выхода за рамки изучаемого индоевропейского языка, но и привлечения материалов неродственных языков. Особенно, если речь идет, как в данном случае, об универсальных фонетических (и не только фонетических) процессах.

Сокращения

СРНГ	<i>Словарь русских народных говоров</i> . Выпуск 1–32 (М. 1965–1998).
Фасмер	М. Фасмер. <i>Этимологический словарь русского языка</i> 1–IV (М. 1964–1973).
Fraenkel	E. Fraenkel. <i>Litauisches etymologisches Wörterbuch</i> (Heidelberg – Göttingen, 1955–1970).
GrL	<i>Grammatici Latini</i> , ex recensione H. Keilii 1–VII (Lipsiae 1855–1880).
LKŽ	<i>Lietuvių kalbos žodynas</i> 1–XIX (Vilnius 1968–1999).

Ю. В. Откупщиков
Санкт-Петербургский
Государственный университет

---

³⁴ А. Мейе. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков* (М. 1938) 32–33.

Der Versuch, den Konsonantenwechsel des Typs lat. *dingua* > *lingua* oder altgriech. *δάφνα* > *λάφνα* zu erklären, wurde mehrfach unternommen. Im Fall von lat. *lingua* vermutete man eine volksetymologische Beeinflussung seitens des Verbs *lingere* 'lecken'. Jedoch erklärt dieses einzelne Beispiel nicht all die anderen (zahlreichen) Fälle des Wechsels zwischen *d* > *l*. Der Verweis auf sabinischen Einfluß für das Lateinische oder auf das Einwirken des mediterranen oder hethitisch-luwischen Substrats für das Altgriechische erwies sich ebenfalls als unhaltbar, weil der untersuchte Wandel für das nördliche Gebiet der indoeuropäischen Sprachen (baltisch, germanisch, slavisch) und ebenso für die Bantu-Dialekte (Afrika), wie auch für die nordamerikanischen Indianer bezeugt ist. Der Verf. führt aus, daß der Wechsel zwischen *d* > *l* den Sonderfall einer universellen phonetischen Gesetzmäßigkeit darstellt, die mit dem "Verhalten" der stimmhaften nichtfrikativen Vorderzungenlaute *d*, *n* und *l* zusammenhängt. Dabei erscheint diese universelle Gesetzmäßigkeit nicht nur im Wechsel zwischen *d* > *l* und *n* > *l*, sondern genauso in den Dialektvarianten der drei angeführten Konsonanten (vgl. das indianische Ethnonym *Dakota* = *Lakota* = *Nakota*), in Fällen von Metathesis (russ. *долонь* > *ладонь*), bei Assimilationen (lat. *animal* > portug. *alimal*) und Dissimilationen (lat. *venenum* > ital. *veleno*).

Nach Meinung des Verf. handelt es sich demnach nicht so sehr um isolierte Einzelfälle der historischen Phonetik der lateinischen Sprache, die mit ad-hoc-Argumenten zu erklären sind; vielmehr geht es um eine phonetische Universalie, die über die lateinische Sprache hinausgeht und generell einen Sonderfall der Wechselwirkung zwischen den Konsonanten *d*, *n* und *l* darstellt, die durch den gemeinsamen Artikulationsort in solch eine Nähe rücken, daß es zu besprochenem Lautwandel kommen kann.*

---

* Es bietet sich ein Vergleich mit der Studie an: P. Kretschmer, Wechsel von *t* (*d*) und *l* // *Glotta* XIX (1929): 3/4. – *Anm. d. Red.*